принцесса? Могут ли они любить друг друга или это смешно? Отвечайте же мне!

— Да, Патриция, могут. Я в это верю.

*

Мы ужинали в маленькой столовой. В доме стояла тишина. Мы сели за стол. Майор Макколум остался в коридоре, явно ожидая приглашения войти.

— Иногда я прошу его поужинать со мной, когда остаюсь совсем одна, — сказала Патриция. — Но сегодня и речи быть не может о том, чтобы он сидел тут и слушал наши разговоры.

— У меня для него отличный сюрприз, — ответил я и сделал знак интенданту. — Флере, не могли бы вы проводить майора в столовую для помощников? Подполковник Антеррош составит ему компанию.

И на этом я окончательно выбросил надоедливого майора из головы.

Патриция переоделась к ужину. Она была совершенно ослепительна в декольтированном черном платье до колен, со свободно повязанным поясом из той же ткани, как того требовала тогдашняя английская мода. На

шее у нее было удивительно красивое колье: двойной ряд жемчужин, а в центре — оправленная в бриллианты камея. Я боялся, что мой костюм не будет соответствовать великолепному наряду принцессы, но в моей комнате на кровати меня ожидал темно-серый костюм в тонкую белую полоску, который приготовил камердинер Герберт, всегда готовый ко всему.

За ужином мы говорили с принцессой о деятельности, которую она вела.

— Я не могу быть только статистом. Я хочу, чтобы моя широкая известность приносила какую-то пользу. И я начала действовать. Вы уже знаете, что я начала бороться за запрет на использование противопехотных мин. Это чудовищное изобретение. Эти мины невозможно увидеть — они взрываются под землей. Даже если человеку после этого удается выжить, он обычно теряет ноги и на всю жизнь становится инвалидом. Я пыталась добиться того, чтобы ООН запретила их, вернее, поддерживала тех, кто за это боролся. Но США воспротивились этому из-за полосы отчуждения, отделяющей Северную Корею от Южной. Они хотели, чтобы границу между этими двумя странами было невозможно преодолеть.

Патриция говорила очень увлеченно, и я не решался прервать ее. Она говорила о тех, кто в результате несчастного случая или болезни оказался прикован к постели и гнил в своих лачугах без света и свежего воздуха. Нужно организовать раздачу простейших инвалидных колясок, говорила она. У американцев уже есть такой опыт, а ведь это многим помогло бы изменить жизнь.

Обед продолжался. Интендант Флере и его помощник подали десерт.

— Я надеюсь, что вам еще не надоело слушать меня, — сказала принцесса. — Мне кажется, что вы слушаете меня очень внимательно. То, о чем я говорю, очень важно, и я бы хотела, чтобы вам это тоже было интересно. Мне удается сделать не так много, но я умею убеждать общественность. Во всяком случае, некоторую ее часть, — добавила она с улыбкой. Внезапно она посерьезнела: — Вы должны знать, что я довольно сложный человек. У меня трудный характер, мое настроение часто меняется. Я выгляжу как повзрослевший скаут, заправская наездница или топ-модель, украшение королевских вечеринок, но не стоит доверять только внешности. Я очень редко бываю до-

вольна собой. Я люблю идти вперед, меняться. И больше всего мне нужно то, о чем я вам уже говорила, — мне нужно, чтобы меня любили. Чтобы эта любовь была настоящим, горячим чувством. Я хочу, чтобы другой человек привязался ко мне так же крепко, как водоросли обвивают подземные скалы. Вот поэтому я и спросила у вас: могут ли такие люди, как мы с вами, полюбить друг друга?

Слуги убрали со стола и ушли. Мы снова остались одни. Патриция говорила, а я, сидя напротив, вглядывался в нее. Ее платье было без рукавов, на плечах его удерживали две широкие ленты. Я видел нежную кожу предплечий, гордую посадку головы. Она была прекрасна. Все видели ее фотографии в журналах, и я не исключение, но в жизни она была гораздо красивее, чем любые ее изображения. А ее глаза! Они были голубыми, но такого удивительного оттенка я не видел ни у кого. Этот цвет бывает только у Средиземного моря, когда ранним утром легкий ветерок едва касается его волн.

— Вы ничего не ответите мне? У вас отсутствующий вид. Вероятно, вы подбираете слова? — спросила меня принцесса.

— Нет, я просто смотрел на вас. Один Бог знает, сколько раз я уже смотрел на вас... Но каждый раз я вновь поражен вашей красотой.

— Для вас я стараюсь выглядеть как можно лучше. И все же я бы хотела, чтобы вы ответили мне: верите ли вы в то, что мы можем любить друг друга?

Теперь я и в самом деле искал слова, чтобы ответить. Мне хочется ответить ей правду.

— Патриция, для меня все это не игра. Я вовсе не пытаюсь уйти от ответа. Трудно представить, что на свете есть кто-то прекраснее вас, и мне нравится шаг за шагом все лучше узнавать вас. Но я, как и вы, чувствую, что есть некая преграда, нечто непреодолимое. Это не моя должность и не ваше положение в свете... Но может быть, и то и другое вместе.

Патриция рассмеялась. Она вытянула руки и положила их на стол перед собой:

— Вот так открытие! И то и другое... Неужели вы только сейчас об этом подумали? — Она встала, стремительно обошла вокруг стола и остановилась у моего кресла. — Не думала я, что француз может оказаться таким несообразительным! Неужели вы только се-

годня осознали, кто мы? Я думала, что вы поняли это еще в поезде, когда коснулись моей руки!

Принцесса присела на подлокотник моего кресла, и я обнял ее за талию:

— Вам, должно быть, не очень удобно сидеть. И кстати, я не уверен, что кресло выдержит... Давайте перейдем в соседнюю комнату.

Мы переместились в мой кабинет. В нем огромное окно, но за ним ничего не было видно — уже наступила ночь. На столе посреди комнаты стояло несколько телефонных аппаратов, в том числе и тот, по которому мне звонят из Елисейского дворца. У дальней стены стоял зеленый кожаный диван, оставшийся от моих предшественников. Я люблю читать на нем газеты или документы, которые привожу с собой.

— Сядем здесь, — позвал я Патрицию. — Так нам будет удобнее разговаривать.

Принцесса села рядом со мной и посмотрела на меня, слегка наклонив голову. Я уже начал привыкать к этой ее манере.

— Вы сказали, что вам необходима любовь. Что именно это значит? — спросил я.

— Теперь вы начинаете задавать мне вопросы! Это очень хорошо. Что ж, все очень

просто. Я все время одна, но я не выношу одиночества. Сейчас я расскажу вам, что произошло перед моей свадьбой. Я уже упоминала об этом и о том, что сделала королева Виктория. За десять дней до нашего бракосочетания будущий муж сообщил мне, что у него есть любовница и что он не собирается порывать с ней. Я была тогда очень наивна. Кажется, французы называют таких девушек гусынями. Итак, я была в ужасе и сказала королеве, что хочу отменить свадьбу. Она ответила, что прекрасно понимает меня, и попросила прийти к ней на следующий день. А на следующий день она сказала, что отменить свадьбу невозможно, ведь до церемонии осталось всего несколько дней. Что подумают люди, интересам короны будет нанесен огромный ущерб... Я видела, что она вне себя от волнения. Королева настаивала, и я уступила. Что дальше? Муж не любил меня, никогда мной не интересовался, даже если был рядом. Это было одиночество вдвоем. А потом у меня родились дети — Джеймс и Мэри. Я очень люблю их... и всегда стремилась заботиться о них, когда они были маленькими. Но вокруг них всегда была толпа нянек и гувернанток. Сейчас они учатся в

пансионе, а свободное время проводят с отцом и королевской семьей. Особенно с бабушкой, которую они обожают. Ко мне они приезжают раз в две недели. Все остальное время я одна, и это очень тяжело. Вы, должно быть, читали обо всем этом в газетах.

— Французская пресса мало об этом пишет, — сказал я, стараясь не причинить ей лишней боли.

— Не старайтесь щадить меня, — ответила принцесса, еле заметно улыбнувшись и глядя мне прямо в глаза. — Мне приписывают множество любовников, я бы даже сказала, чересчур много. И как известно, я всегда ошибаюсь с выбором. Сначала я находила их в своем окружении, это был самый простой способ спастись от одиночества. Но все были неинтересными, за исключением одного друга, который очень переживал из-за того, что со мной происходит, так же как переживаете сейчас вы, — он боялся, что я слишком часто звоню ему по телефону, и отдалился от меня, хотя я испытывала к нему самые искренние чувства. Потом я стала интересоваться людьми из других кругов, среди них были даже спортсмены. Ведь я думала, что спортсмен должен быть сильной личностью.

Иногда они сопровождали меня в поездках, когда я отправлялась куда-нибудь с благотворительной миссией.

Но все это довольно быстро заканчивалось. Я видела, что им приятно появляться со мной на людях, но они совершенно не думали о моих чувствах. Им хватало того, что я красива и что я — принцесса, все остальное было совершенно лишним. Они притворялись, что любят меня, но единственное, что имело для них значение, — это их собственное эго!

Когда я это поняла, то сильно изменилась сама. Я вообще люблю перемены. Но что мне делать? Я так нуждаюсь в любви!

Она смотрела на меня, а я отчаянно пытался понять истинный смысл ее слов. Комната, в которой мы сидели, как нельзя лучше подходила к простым и строгим словам ее неожиданной исповеди. Я чувствовал, что в наших отношениях наступает некий поворотный момент. Было совершенно ясно, что мы не остановимся на разговорах разной степени искренности.

Вопрос, который снова и снова задавала Патриция, заставил меня заглянуть в глубь собственной души. Принцесса Кардиффская

необыкновенно привлекала меня. Я уже пал жертвой ее очарования, ее присутствие было просто необходимо мне. Но готов ли я к чему-то большему, хочу ли отдавать и получать больше, чем сейчас? Или же довольствуюсь тем, что пополню список «сильных личностей» с раздутым эго? Я молчал. Казалось, Патриция читает в моей душе, как в открытой книге, и все-таки ждет ответа.

К своему стыду, должен признаться, что мы говорили с ней о разных вещах. И даже находились на разных стадиях развития чувств. Я был на том этапе, который Стендаль называл «любовь-влечение»[1]. Патриция же была гораздо выше этого, несмотря на то что говорила обо всем с легкой иронией, играя с шарфом, который соскользнул ей на колени. Любовь, признание, способность вызвать желание были для нее насущной необходимостью. Она стремилась к ним всем своим существом, открыто заявляя: «Мне необходимо быть любимой».

Странно, но в этом трудном разговоре, где мне досталась не самая красивая роль, вдруг вспыхнул свет, осветивший часть моей души,

[1] Стендаль, «О любви».

как солнечный луч, упавший сквозь чердачное окошко, вдруг освещает пыльный угол. Я понял, что в моем сердце снова родилась нежность, которая сильнее простого и довольно дешевого удовольствия просто пользоваться обществом и вниманием принцессы. Это чувство было похоже на огонек, разгорающийся под грудой сухих листьев. Нежность к Патриции, сидевшей передо мной в черном платье, с обнаженными прекрасными плечами, изящной, как подросток, которую привело ко мне ее желание любить и быть любимой. Я чувствовал себя молодым и влюбленным.

— Долго ли вы будете думать, прежде чем ответите мне «да» или «нет»? — спросила наконец Патриция. — Хотя я и не требую этого от вас. Я просто сказала вам, что мне необходима любовь, что я сама обязательно должна кого-то любить. Я говорила это другим, но они не ответили на мои чувства. Я сказала это вам... Но не потому, что вы президент. Это меня вообще не интересует. Более того, это создает лишние трудности. Я сделала это потому, что вы осмелились взять меня за руку в поезде. Этот наивный, невинный жест влюбленного... Может быть,

это был ваш ответ на мой безмолвный крик о помощи.

Я склонился к Патриции и сжал ее руки, отбросив в сторону шарф.

— Я счастлив, что мы так искренне говорим, — начал я. — Вы умеете выражать ваши чувства гораздо более прямо, чем я. Я все еще нахожусь в плену предрассудков и давних привычек. Я думал, что смогу освободиться от них лишь на время какого-нибудь краткого приключения. Но вы так прекрасны, так привлекательны, что мне хватало и этого. На большее я не рассчитывал. Только теперь я осмеливаюсь иначе взглянуть на вас...

— Торопитесь, Анри! Мне нравится то, что происходит между нами сейчас, но мне не нравится, когда что-то затягивается!

*

Главное было сказано, и, чтобы не ходить по кругу, мы сменили тему. Больше часа мы говорили с принцессой о темах, которые волновали всех в последнее время, например о приближающихся выборах в США. Принцесса надеялась, что президента Хопкинса переизберут на второй срок. Патри-